

Владимир Азариевич Павлов / Vladimir Azarievich Pavlov

30 марта 1938 г. – 19 марта 2010 г. / March 30, 1938 – March 19, 2010

1938 – born in Moscow

1950s – studied at Secondary Art School in Leningrad

1957-1963 – studied at Ilya Repin Institute of Painting, Sculpture and Architecture in Leningrad

1963-1986 – lived and worked in Irkutsk

1964 – Laureate of the All-Union Review of the Best Graduation Projects. The USSR Union of Architects First Prize with Honours

1973 – one of the founders of architectural speciality in Irkutsk Polytechnic Institute

1973-77 – Prize and honourable mention (Cultural Center in Shelekhov)

1974 – Laureate of the VIth Review of the USSR Young Architects' Creativity. The USSR Union of Architects First Prize

1978 – Laureate of the All-Union Review of Creative Achievements of the Soviet Architecture

1979-1986 – Chairman of the Board of the Irkutsk Organization of the Union of Architects of the USSR

1986 – Laureate of the VIth All-Union Review of the Best Architectural Constructions. The USSR Union of Architects First Prize (residential building in Irkutsk)

1986-1988 – lived and worked in Kherson

1986 – Laureate of the Review of the Year's Best Works of the USSR Union of Architects

1988 – returned to Leningrad

1988 – the International Union of Architects.

1988 – Included in the list of 50 outstanding architects of the world by the UIA special resolution at the World Triennial

1994 – advisor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

1998 – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

1938 – родился в Москве

50-е – учился в СХШ в Ленинграде

1957–1963 – учился в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде

1963–1986 – жил и работал в Иркутске

1964 – лауреат Всесоюзного смотра лучших дипломных проектов страны СА СССР. Диплом 1-й степени с отличием

1973 – один из основателей специальности «Архитектура» в Иркутском политехническом институте

1973–1977 – диплом и поощрительная премия (Дом культуры в г. Шелехов)

1974 – лауреат VI смотра творчества молодых архитекторов страны СА СССР. Диплом 1-й степени

1978 – лауреат Всесоюзного смотра творческих достижений советской архитектуры

1979–1986 – председатель правления Иркутской организации Союза архитекторов СССР

1986 – лауреат IV Всероссийского смотра лучших архитектурных построек СА РСФСР. Диплом 1-й степени (жилой дом в Иркутске)

1986–1988 – жил и работал в Херсоне

1986 – лауреат смотра лучших произведений года СА СССР

1988 – вернулся в Ленинград

1988 – Международный союз архитекторов. Специальным решением МСА на Всемирной триеннале включен в число 50-ти выдающихся архитекторов мира

1994 – советник Российской академии архитектуры и строительных наук

1998 – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук

If Rem Koolhaas's idea to make an exhibition and a book devoted to the Russian soviet 70-s is destined to come true, he cannot do without the «Irkutsk history», connected with the name Vladimir Pavlov. The interest towards Khrushchev-Brezhnev's modernism rose not only because of numerical rules and quick transformation of everyday objects into historical ones, but rather because of the qualities of the objects themselves. Today, at 30 years distance, the Irkutsk architecture of those years verifies its exclusiveness, which is rare for the untimely epoch. Koolhaas and his hypothetic audience consider the «Irkutsk renaissance» of the 70-s to be an exotic phenomenon never known before, which is especially interesting because of recognition of its features and generic affiliation and also because of proximity to the spirits of current importance.

No doubt that these spirits are expressed in strong modernist colours – the colours of the third wave of modernism – a softer, more reasonable wave that has no

radical social rhetorics, but no less energetic. Modernism of the 20-30-s, neomodernism of the 70-s and neoneomodernism form succession of events, the unity of which is marked in particular by the 70-s, including the soviet and Irkutsk's 70-s. Without attempting to overestimate the architecture of the 70-80-s, which represents a model of those years' society, one should mention its features, that stand out against a background of dull, weak, repeated and disintegrated modern objects. All that raises natural envy and melancholy, all the best things that belong to the second heroic epoch of Russian soviet architecture existed and remained in the Irkutsk architecture of the 70-s. They represent directivity towards future (but not past), grandeur of sizes and intentions, moderateness, strictness, honesty, courage, stubbornness and strength.

The main feature of the 70-s and their Irkutsk version is in fact what is extremely attractive and almost unachievable today. It is a demonstration of boundless will and

text
Andrey Bokov

Владимир Павлов/Vladimir Pavlov

Если идея Рэма Кулхааса сделать выставку и книгу, посвященную русским – советским 70-м, суждено сбыться, то ему не обойтись без «иркутской истории», связанной с именем Владимира Павлова. Интерес к хрущевско-брежневскому модернизму вызван не столько числовыми закономерностями, не только все более быстрым превращением обыденного материала в исторический, но качествами этого самого материала. Сегодня с дистанции в 30 лет, похоже, подтверждается редкая для безвременной эпохи исключительность иркутской архитектуры тех лет. Для Кулхааса и его гипотетической аудитории «иркутский ренессанс» 70-х – ранее никому не известное, экзотическое явление, вдвойне интересное из-за узнаваемости его признаков и родовой принадлежности, из-за несомненной близости самым актуальным настроениям.

Нет сомнения, что эти настроения окрашены в резко модернистские тона – тона третьей волны модернизма – более мягкой, разумной и взвешенной, лишенной радикальной социальной риторики, но не менее энергичной. Модернизм 20–30-х, неомодернизм 70-х и неонемодернизм составляют цепь событий, единство которых обозначено именно семидесятыми, в том числе советскими и иркутскими семидесятыми. Не пытайтесь переоценивать архитектуру 70–80-х годов, во многом являвшую собой слепок общества тех лет, нельзя не отметить признаки и черты, рельефно выступающие на фоне вялой, слабой, вторичной, лишенной целостности, индоктринированной современности. Все, что сегодня вызывает законную, естественную зависть и тоску, что являет собой лучшее из принадлежащего второй героической эпохе российско-советской архитектуры, – все это было и есть в иркутской архитектуре 70-х: обращенность в будущее (а не в прошлое), значительность размеров и замыслов, сдержанность, строгость, честность, смелость, упрямство и сила.

Главным признаком 70-х и их иркутской версии является, по сути, то, что крайне привлекательно и почти недостижимо сегодня. Это – проявление безграничной воли и силы, это – размах, обусловленность

каждого шага крупным градостроительным замыслом, это, наконец, отношение к природному и градостроительному контексту, построенное не на буквальном его прочтении и обязательном уподоблении, но на следовании существу и духу места; это способность и умение выстраивать связи не только через покорное следование, но и через отчетливо читаемый контраст.

Открытая и реализованная Павловым формула успеха проста и актуальна по сей день – это самостоятельная и качественная архитектура. Иркутск 70-х, как ни парадоксально, был более близок современному ему миру, чем Иркутск 90-х. Он существовал в одном времени с британскими бруталистами, японскими метаболистами, голландскими структуралистами и великими американцами Л. Каном и П. Рудольфом. Но, живя теми же настроениями, что и известные миру современники, иркутская школа тех лет умудрилась сохранить отчетливо видимую сегодня независимость, оригинальность и специфику, что определяется словом «регионализм».

Иркутский регионализм выстраивался как из материала российского наследия, конструктивизма и супрематизма, так и из «бед», вроде сурового климата, официальных требований сборности, модульности и индустриальности, скудости матбазы и выразительных средств, которые остроумно трансформировались в достоинства.

Энергетический выброс в Иркутске 70-х во многом напомунал произошедшее двадцать лет спустя в Нижнем Новгороде, что означает отчасти закономерность его исключительности: Харитонов – это Павлов 90-х. Оба сумели создать качественную архитектуру в «одном отдельно взятом» городе в момент, отнюдь не благоприятствующий расцвету профессии. Практика Иркутска 70-х и Нижнего 90-х – это практика использования каждой возможности с максимальным архитектурным эффектом, при том что самих возможностей бывает не больше, чем в любом другом месте.

Внутри профессионального сообщества Иркутска, а затем Нижнего Новгорода требовательность к качеству решения и заданность высокого его уровня стали

текст
Андрей Боков

strength, it is a vim, where every step is conditioned by great urban plan, at last it is an attitude to the natural and urban planning context based not on its literal comprehension and obligatory assimilation, but on following the essence and the spirit of the place. It is ability and skills for making links not only through obedient follow, but also through distinct contrast.

The open formula of success realized by Pavlov is simple and of current importance to present day. It is an independent and high-quality architecture. Irkutsk of the 70-s, however paradoxical it may be, was closer to its contemporary world than the Irkutsk of the 90-s. It existed simultaneously with British brutalists, Japanese metabolists, Holland structuralists and great Americans L. Kan and P. Rudolf. But, living with the spirits typical of the world-famous contemporaries, Irkutsk school of those years managed to save the independence, which is clearly seen now, the originality and peculiarity. It all can be

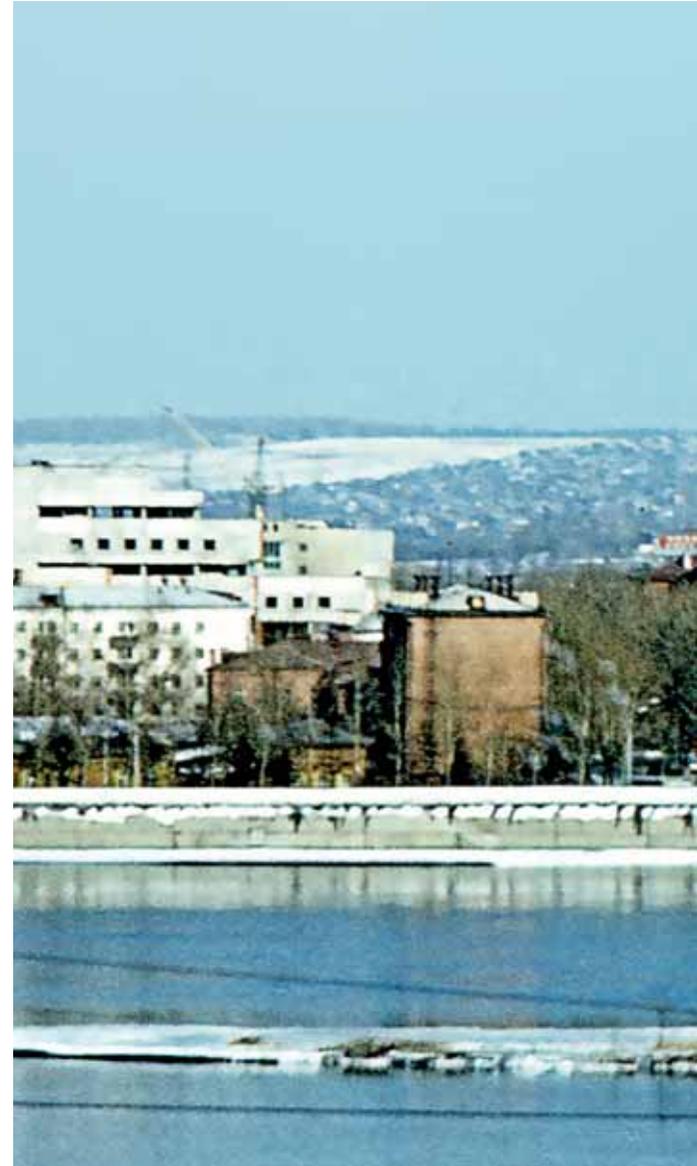
defined as «regionalism». Irkutsk regionalism was made of both the material of Russian heritage, constructivism and suprematism, and also of the «troubles», such as severe climate, official demands of combination, modularity and industriality, besides the bareness of material resources and expressive means, which were wittily transformed into advantages.

The energetic surge in Irkutsk of the 70-s reminds what happened about 20 years later in Nizhni Novgorod. It explains partially its exclusiveness: Kharitonov is Pavlov of the 90-s. They both managed to create a high-quality architecture in a city at rather unfavourable moment for their profession. The experience of Irkutsk of the 70-s and Nizhni Novgorod of the 90-s used every chance with maximum architectural effect.

Inside the professional society of Irkutsk and then inside the one of Nizhni Novgorod the demand of the quality of decision and its high level became an inconvenient,

неудобным, но жестким правилом. Устойчивость этих правил, продуктивность и длительность их действия – прямое следствие успеха лидера в создании своей школы. Но если нижегородская школа 90-х признавалась и приветствовалась всеми внутри и за пределами города, то признать факт существования иркутской школы в застойные времена было так же невозможно, как и самой школе самоопределиться. И тем не менее в Иркутске 70-х, как, впрочем, и в Нижнем 90-х, было больше возможностей, чем в столицах. Иркутск 70-х оказался в одной архитектурной компании с продвинутыми Прибалтикой и Закавказьем, на почти полноценную и вполне живую архитектуру которых с завистью смотрели медленно взрослеющие жители столиц. При этом усилий А. Меерсона, В. Воскресенского, Я. Белопольского и замечательного московского однофамильца Павлова – Леонида Николаевича – было в те времена явно недостаточно, чтобы вывести столичную архитектуру из устойчиво провинциального состояния.

Опыт Иркутска и Нижнего Новгорода был поставлен молодыми людьми – энергичными, амбициозными, везучими, обаятельными, талантливыми и очень профессиональными. 70-е были героическим, насыщенным и счастливым периодом как биографии В. Павлова, так и иркутской архитектуры, периодом совпадения судеб, не лишенным драм и переживаний, периодом любви, которая завершилась на рубеже 90-х конфликтом и разводом. Развод этот оказался губительным не только для Павлова как лидера иркутской школы и творца иркутского ренессанса 70-х, но и для иркутской архитектуры. Лучшее из того, что было при советской власти, проиграло в споре с худшим, что принесли с собой первые волны демократии: профессионализм, чудом возникший и уцелевший в душные застойные времена, уступил место провинциальной художественной самодеятельности, для которой провинциальность, как говорится, не географическое состояние, а состояние души. Остается надеяться, что уступка эта – временная.

but strict rule. The stability of the rules, the productivity and the length of their work are a direct consequence of the leader's success in creation of his own school. The school of Nizhni Novgorod of the 90-s was admitted and welcomed by everybody inside and outside the city. However, to admit the fact that a school existed in Irkutsk in the stagnant 70-s was as impossible as it was impossible for the school to determine itself. But nevertheless, in Irkutsk of the 70-s, like in Nizhni Novgorod of the 90-s, there were more possibilities than in the capital cities. Irkutsk of the 70-s was in one architectural row with advanced Pribaltika and Zakavkazie, which rather lively architecture was regarded with envy by slowly growing up citizens of Moscow. And the efforts of A.Meerson, V.Voskresensky, Ya.Belopolsky and the Moscow architect bearing the same surname as Pavlov – Leonid Nickolaevich – were not enough at that time to take Moscow architecture out of stable provincial

condition. The experience of Irkutsk and Nizhni Novgorod was performed by young people, energetic, ambitious, lucky, charming, talented and very professional. The 70-s were heroic years, a full and lucky period both in Pavlov's biography and Irkutsk architecture, a period of coincidence of destinies, full of dramas and emotional experience, a period of love, which ended with conflict and divorce when the 90-s came. That divorce was destructive not only for Pavlov as a leader of Irkutsk school and the creator of Irkutsk renaissance of the 70-s, but also for the whole Irkutsk architecture. The best things, existing during the soviet power period lost in the quarrel with the worse things brought by the first wave of democracy. Professionalism born and survived by some miracle during the stagnant stuffy period gave place to provincial amateur performances, for which the provinciality is not a geographical position, but «state of a soul». It remained only to hope that this concession is transient.

